

П.А. Висковатый

Смерть Пушкина¹

Еще молодой поэт наш делил свои досуги между рассеянною жизнью столичных гостиных, кутежами с товарищами-гусарами и серьезною думой и творчеством; еще двойственность существования томила и волновала его, когда в конце января 1837 года роковая весть о поединке А.С. Пушкина с исходом, грозившим смертью, потрясла Михаила Юрьевича, и так нервно расстроенного и тревожного. Он разразился известным стихотворением: «На смерть поэта».

Обстоятельства, приведшие к этому роковому поединку, к гибели Пушкина, не рассматривались в печати. Напомним здесь только, что современное событию общество разделилось на два лагеря: одни обвиняли поэта, другие защищали его. Ходила молва, что Пушкин пал жертвою таинственной интриги из личной вражды, умышленно возбуждившей его ревность; деятелями же были люди высшего слоя общества. Эта молва, по-видимому, была не лишена основания. Действительно, существовала великосветская интрига, которая и после смерти Пушкина, в высшем кругу, имела своих партизанов. Этим объясняется, почему на людей, открыто высказывавшихся за Пушкина и горячо порицавших его противников, было воздвигнуто гонение. Вот почему тоже Следственная комиссия по делу о стихах на смерть Пушкина обратила особенное внимание на записку А.А. Краевского к Раевскому, писанную после ареста Михаила Юрьевича:

«Скажи мне, что случилось с Лермонтовым? Правда ли, что он жил, или живет еще теперь *не дома*. Неужели еще жертва, заклаемая в память усопшему? Господи, когда все это кончится?!»

<...>

Вскоре после смерти Александра Сергеевича Хомякову пишет Языкову:

«Ты уже вероятно имеешь о дуэли Пушкина довольно много подробностей, и поэтому рассказывать не стану тебе росказней. Одно, что тебе интересно будет знать, это итог. Пушкина убили непростительная ветреность его жены (кажется, только ветреность) и гадость общества петербургского. Сам Пушкин не оказал твердости в характере (но этого от него и ожидать было нельзя), ни тонкости, свойственной его чудному уму. Страсть никогда умна быть не может. *Он отшатнулся от тех, которые его любили, понимали и окружали дружбою почти благоговейной, а пристал к людям, которые его приняли из милости*».

Мы выписываем эти некоторые показания современников, чтобы показать, как известное стихотворение Лермонтова вполне характеризовало общий взгляд на дело дуэли Пушкина. Даже упрек Хомякова Пушкину за то, что он отвернулся от настоящих друзей, встречаем мы в стихотворении:

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет, завистливый и душный...

Лермонтова, сказали мы выше, страшно поразила смерть Пушкина. Он благоговел перед его гением...

<...>

Юрьев, товарищ и родственник Михаила Юрьевича, рассказывал, что все несчастное событие и симпатия высшего общества к Дантесу, к которому особенно благоволили великосветские дамы, — все это раздражало юного поэта. Всегда полный самого деликатного внимания к своей бабушке, поэт, живший у нее в Петербурге, с трудом воздержался от раздраженного ответа, когда старушка стала утверждать, что Пушкин сел не

¹ Глава из биографии М.Ю. Лермонтова, написанной в качестве приложения к собранию сочинений поэта 1891 года под редакцией П.А. Висковатого.

в свои сани и, севши в них, не умел управлять конями, помчавшими его наконец на тот сугроб, с коего вел один лишь путь в пропасть. Не желая спорить с бабушкой, поэт уходил из дому. Елизавета Алексеевна, заметя, как на внука действуют светские толки о смерти Пушкина, стала избегать говорить о них... Но говорили другие, говорил весь Петербург, и, наконец, все так сильно повлияло на Михаила Юрьевича, что он захворал нервным расстройством. Ему приходило даже на мысль вызвать убийцу и мстить за гибель русской славы. Это впрочем неудивительно: было много людей, готовых сделать то же. Говорили, что император Николай Павлович, желая спасти Дантеса от грозившей ему опасности, выслал его за границу. Прежде всего Лермонтов дал выход своему негодованию, написав стихотворение на смерть поэта и выставив в нем его противника, как искателя приключений:

Издалика
Подобно сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока...

Такой взгляд на Дантеса сердил его защитников. Он был принят в обществе, был приглашен на службу самим императором, был офицером в первом гвардейском кавалерийском (кавалергардском) полку — и вдруг дерзнуть назвать его пустым искателем приключений!

Умы немного утихли, когда разнесся слух, что государь желает строгого расследования дела и наказания виновных. Тогда-то эпитафией к стихам своим Лермонтов поставил:

Отмщенье, Государь, отмщенье!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Долгое время эпитафия этот выкидывался из изданий, как прибавленный к стихотворению какой-то досужей рукой, а не самим поэтом. Лонгинов говорит, что эпитафия этот взят из трагедии Дотру «Венцеслав первый», в 20-х годах переведенной А.А. Жандром. Я не успел проверить справедливость этого показания. А.П. Шан-Гирей уверял меня, что это слова из какой-то трагедии, написанной самим Лермонтовым, но не законченной, или же только задуманной им, причем было сделано несколько набросков.

Как известно, Лермонтов написал стихотворение свое на смерть Пушкина сначала без заключительных 16 строк. Оно прочтено было государем и другими лицами и в общем удостоилось высокого одобрения. Рассказывали, что в. кн. Михаил Павлович сказал даже: «Этот, чего доброго, заменит России Пушкина»; что Жуковский признал в них проявление могучего таланта, а князь Влад. Фед. Одоевский по адресу Лермонтова наговорил комплиментов при встрече с его бабушкой Арсеньевой. Толковали, что Дантес страшно рассердился на нового поэта и что командир л. Гв. гусарского полка утверждал, что, не сяди убийца Пушкина на гауптвахте, он непременно послал бы вызов Лермонтову за его ругательные стихи. Но сам командир одобрял их. Да и нельзя было иначе, раз сам государь выразил относительно стихов довольство свое.

Таким образом, неудобно было не находить прекрасным стихотворение молодого гусарского офицера, хоть и не нравились его нападки на Дантеса и на тот новый круг пушкинских знакомых, который нехотя принял его в свою среду. Морщились от таких мест стихотворения, где поэт говорил:

Зачем он руку дал клеветникам безбожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным?..

или

...к чему теперь рыдания,
 Пустых похвал ненужный хор
 И жалкий лепет оправдания —
 Судьбы свершился приговор!
 Не вы ль сперва так долго гнали
 Его свободный чудный дар...

Сам поэт, нервнобольной, расстроенный, лежал дома. Бабушка послала даже за лейб-медиком Арендтом, у которого лечился весь великосветский Петербург. Он рассказал Михаилу Юрьевичу всю печальную эпопею двух с половиною суток — с 27 по 29 января, которые претерпел Пушкин. Погруженный в думу свою, лежал поэт, когда в комнату вошел его родственник, брат верного друга поэта Монго Столыпина, камер-юнкер Николай Аркадьевич Столыпин. Он служил тогда в Министерстве иностранных дел под начальством Нессельроде и принадлежал к высшему петербургскому кругу. Таким образом его устами гласила мудрость придворных салонов. Он рассказал больному о том, что в них толкуется. Сообщил, что вдова Пушкина едва ли долго будет носить траур и называться вдовою, что ей вовсе не к лицу и т. п.

Столыпин, как и все, расхваливал стихи Лермонтова, но находил и недостатки и, между прочим, что Мишель, напрасно *анофеозирюя* Пушкина, слишком нападает на невольного убийцу, который, как всякий благородный человек, после всего того, что было между ними, не мог бы не стреляться: долг чести. Лермонтов отвечал на это, что чисто русский человек, не офранцузенный, неиспорченный, снес бы со стороны Пушкина всякую обиду; снес бы ее во имя любви своей к славе России, не мог бы поднять руки своей на нее. Спор стал горячее, и Лермонтов утверждал, что государь накажет виновников интриги и убийства. Столыпин настаивал на том, что тут была затронута честь и что иностранцам дела нет до поэзии Пушкина, что судить Дантеса и Геккерна по русским законам нельзя, что ни дипломаты, ни знатные иностранцы не могут быть судимы на Руси. Тогда Лермонтов прервал его, крикнув: «Если над ними нет закона и суда земного, если они палачи гения, так есть Божий суд». Эта мысль вошла потом почти дословно в последние 16 строк стихотворения.

Запальчивость поэта вызвала смех со стороны Столыпина, который тут же заметил, что у «Мишеля слишком раздражены нервы». Но поэт уже был в полной ярости, он не слушал своего светского собеседника и, схватив лист бумаги, да сердито поглядывая на Столыпина, что-то быстро чертил по нему, ломая карандаши, по обыкновению, один за другим. Увидав это, Столыпин полушепотом и улыбаясь заметил: «Поэзия зарождается». Наконец раздраженный поэт напустился на собеседника, назвал его врагом Пушкина и, осыпав упреками, кончил тем, что закричал, чтобы он сию же минуту убирался, иначе он за себя не отвечает. Столыпин вышел со словами: «Mais il est fou a Нег». (Да он дошел до бешенства, его надо связать!) Четверть часа спустя Лермонтов, переломавши с полдюжины карандашей, прочел Юрьеву заключительные 16 строк своего стихотворения, дышащих силой и энергией негодования.

А вы, надменные потомки
 Известной подлостью прославленных отцов,
 Пятою рабскою поправшие обломки
 Игрою счастья обиженных родов!

В негодовании на всех защитников Дантеса и противников Пушкина, Лермонтов особенно язвил Столыпина, прадед которого происходил далеко не от знатных предков и обогатился на винных откупах, следовательно, не совсем безупречными средствами, хотя и пользовался репутацией высококачественного человека. Но тогда, да и позже, воззрения были своеобразны, и еще Гоголь дерзнул, в лице откупщика Муразова (во второй части «Мертвых душ») выставить идеал честности и правдивости, и есть указания на то, что Гоголь Муразова отчасти списан с упомянутого Столыпина.

Пылкий поэт живо вспомнил принижение отца его родом Столыпина, отца принадлежавшего к древнейшим, хоть и захудалым родам Европы. Поэту, с детства страдавшему от явной несправедливости этой, были особенно ощутительны преследования Пушкина со стороны выскочек аристократизма, «жадною толпою стоявших у трона». В гневных стихах Лермонтов облегчил наболевшую душу свою от собственного горя, от боли за павшего русского поэта, которому он подражал в детстве, восторженно прислушиваясь к чудным песням, перед коим преклонялся, до которого, полный уважения и понимания, едва еще решался поднять юношеский взор.

Известность стихов Лермонтова на смерть великого поэта быстро разрослась; в то время многие почтили память усопшего стихами на кончину его, но ни в одном не звучало столько силы, таланта, любви и негодования, ни одно стихотворение так полно не выражало чувств всей России за исключением небольшого круга людей.

Свят. Афан. Раевский, проживавший тогда у Лермонтова, возвратившись домой, нашел вновь сочиненные 16 стихов. Он пришел в восторг и, радуясь быстрой славе, приобретенной 22-летним поэтом, стал распространять и эти сильные стихи. Правда, ему, как и Лермонтову, приходило в голову, что за эти 16 строк можно пострадать, что им можно легко придать весьма опасное толкование, но молодые люди утешали себя тем, что государь осыпал милостями семейство Пушкина, следовательно дорожил поэтом, из чего, как казалось им, вытекало само собою, что можно бранить врагов поэта. Расточаемые 22-летнему поэту похвалы льстили и ему самому, и другу его; наконец их успокаивала мысль, что все распространяемые и переписываемые экземпляры носят подпись «Лермонтов», и что «высшая цензура давно бы остановила их распространение, если бы считала это нужным».

Но молодые люди не сообразили того, что со стихами происходило недоразумение. Ходили по рукам две редакции: одна, снабженная шестнадцатью заключительными стихами, а другая — нет. Вот почему ни тогдашний начальник III отделения Соб. Е. И. В. канцелярии Мордвинов, ни граф Бенкендорф, которому Мордвинов доложил о стихах, ничего предосудительного в них не нашли. Но вот на многолюдном рауте, если не ошибаемся, у графини Ферзен, А.М. Хитрова, разносчица всевозможных сенсационных вестей, обратилась к графу Бенкендорфу с злобным вопросом: «А вы читали, граф, новые стихи на всех нас, в которых la creme de la noblesse (сливки дворянства) отделяется на чем свет стоит молодым гусаром Лермонтовым?» Она пояснила, как стихи, начинающиеся словами «А вы, надменные потомки», составляют оскорбление всей русской аристократии, и довела графа до того, что он увидел необходимость разузнать дело ближе. Тогда-то раскрылось, что ходили по рукам два списка. Граф Бенкендорф знал и уважал бабушку Лермонтова Арсеньеву, бывал у нее, ему была известна любовь ее к внуку, и он искренно желал дать делу благоприятный оборот. Говорили, что, когда граф явился к императору, чтобы доложить о стихах в самом успокоительном смысле, государь уже был предупрежден, получив по городской почте экземпляр стихов с надписью: «Воззвание к революции». Подозрение тогда же пало на г-жу Хитрово.

Недаром еще в то же утро граф Бенкендорф заметил Л.В. Дубельту, говоря о слышанном на вечере, что «если Анна Михайловна (Хитрова) знает о стихах, то не остается ничего больше делать, как доложить о них Государю». Вследствие больших связей бабушки Лермонтова Арсеньевой, поэт пользовался немалыми льготами. Он почти не жил в Царском Селе, где был расположен его полк, а проживал у бабушки в Петербурге. Это обстоятельство усугубляло вину Лермонтова. Так как он формального отпуска не получал, то непробывание его в месте стоянки полка считалось «самовольной отлучкой».

Начальник штаба Веймар, посланный в Царское Село осмотреть там бумаги поэта, нашел квартиру нетопленную, ящики стола и комодов пустыми. Далее отсутствие Лермонтова прикрыли внезапной болезнью его, приключившейся при посещении внуком престарелой бабки и ограничились затем только выговором ближайшему виновнику недосмотра, полковнику Саломирскому (приказ по отдельному гвардейскому корпусу

от 28 февраля 1837 года, за № 33). Болезнь Лермонтова делала, однако, необходимым разъяснение, кем было распространено стихотворение. Главным виновником оказался Св. Аф. Раевский. Он решился взять на себя добрую часть вины.

Февраля 21-го Раевский был посажен под арест по распоряжению графа Петра Андреевича Клейнмихеля, Лермонтов же подвергнут домашнему аресту. Того же дня с Раевского было снято показание. Отлично сознавая важность того, чтобы показание Лермонтова не разнилось с его показанием, он черновую, писанную карандашом, положил в пакет, адресовав его на имя крепостного человека Михаила Юрьевича, искренно преданного своему барину. Адрес на пакете этом гласит: «Против 3 Адмиралтейской части, в доме кн. Шаховской. Андрею Иванову».

К черновой приложена записка:

«Андрей Иванович! Передай тихонько эту записку и бумаги Мишелю. Я подал записку министру. Надобно, чтобы он отвечал согласно с нею, и тогда дело кончится ничем. А если он станет говорить иначе, то может быть хуже. Если сам не сможешь завтра же поутру передать, то через Афанасия Алексеевича. И потом непременно сжечь ее».

Афанасий Алексеевич Столыпин был особенно любим и почитаем Лермонтовым, да и сам он был из немногих людей, привязанных к Михаилу Юрьевичу.

Доставить пакет этот Раевский препоручил одному из сторожей. Пакет был перехвачен и немало усугублял виновность Раевского перед судьями.

Спрошенный на дому Лермонтов дал следующее показание:

«Я был еще болен, когда разнеслась по городу весть о несчастном поединке Пушкина. Некоторые из моих знакомых привезли ее и ко мне, обезображенную разными прибавлениями, одни, приверженцы нашего лучшего поэта, рассказывали с живейшей печалью, какими мелкими мучениями, насмешками он долго был преследуем и, наконец, принужден сделать шаг, противный законам земным и небесным, защищая честь своей жены в глазах строгого света. Другие, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднейшим человеком, говорили, что Пушкин не имел права требовать любви от жены своей, потому что был ревнив, дурен собою — они говорили также, что Пушкин негодный человек, и прочее... Не имея, может быть, возможности защищать нравственную сторону его характера, никто не отвечал на эти последние обвинения».

Невольное, но сильное негодование вспыхнуло во мне против этих людей, которые нападали на человека, уже сраженного рукою Божьей, не сделавшего *им* никакого зла и некогда ими восхваляемого; и врожденное чувство, в душе неопытной, защищать всякого невинно осуждаемого, зашевелилось во мне еще сильнее по причине болезнью раздраженных нерв.

Когда я стал спрашивать, на каких основаниях так громко они восстают против убитого, — мне отвечали: вероятно, чтоб придать себе более весу, что весь высший круг общества такого же мнения.

Я удивился — надо мною смеялись. Наконец, после двух дней беспокойного ожидания пришло печальное известие, что Пушкин умер; вместе с этим известием пришло другое — утешительное для сердца русского: Государь Император, несмотря на его прежние заблуждения, подал великодушно руку помощи несчастной жене и малым сиротам его. Чудная противоположность Его поступка с мнением (как меня уверяли) высшего круга общества, увеличила первого в моем воображении и очернила еще более несправедливость последнего. Я был твердо уверен, что сановники государственные разделяли благородные и милостивые чувства Императора, Богом данного защитника всем угнетенным; но тем не менее я слышал, что некоторые люди, единственно по родственным связям или вследствие искательства принадлежащие к высшему кругу и пользующиеся заслугами своих достойных родственников, — некоторые не переставали омрачать память убитого и рассеивать разные невыгодные для него слухи.

Тогда, вследствие необдуманного порыва, я излил горечь сердечную на бумагу, преувеличенными, неправильными словами выразил нестройное столкновение мыслей, не полагая, что написал нечто предосудительное, что многие ошибочно могут принять на свой счет выражения, вовсе не для них назначенные. Этот опыт был первый и последний в этом роде, вредном (как и прежде мыслил и ныне мыслю) для других еще более, чем для себя.

Но если мне нет оправдания, то молодость и пылкость послужат хоть объяснением, ибо в эту минуту страсть была сильнее холодного рассудка. Прежде я писал разные мелочи, быть может еще хранящиеся у некоторых моих знакомых. Одна восточная повесть, под названием “Хаджи Абрек”, была мною помещена в “Библиотеке для чтения”; а драма, “Маскарад”, в стихах, отданная мною на театр, не могла быть представлена по причине (как мне сказали) слишком резких страстей и характеров и также потому, что в ней добродетель не достаточно награждена.

Когда я написал стихи мои на смерть Пушкина (что, к несчастью, я сделал слишком скоро), то один мой хороший приятель Раевский, слышавший, как и я, многие неправильные обвинения, и по необдуманности, не видя в стихах моих противного законам, просил у меня их списать; вероятно, он показал их как новость другому — и таким образом они разошлись. Я еще не выезжал, и потому не мог вскоре узнать впечатления, произведенного ими, не мог вовремя их возвратить назад и сжечь. Сам я их никому больше не давал, но отречься от них, хотя постиг свою необдуманность, я не мог: *правда* всегда была моей святыней, — и теперь, принося на суд свою повинную голову, я с твердостью прибегаю к ней как единственной защитнице благородного человека перед лицом Царя и лицом Божьим.

Корнет лейб-гвардии Гусарского полка Михаил Лермонтов».

Уже через три дня после допроса, сделанного Лермонтову дома, а затем ареста на гауптвахте, участь его была решена. Февраля 25-го последовало Высочайшее повеление, а 27 вышел приказ, по коему лейб-гвардии Гусарского полка корнет Лермонтов переводился тем же чином в Нижегородской драгунский полк на Кавказ. Раевский же, по выдержании на гауптвахте один месяц, высылался в Олонецкую губернию на службу по усмотрению тамошнего губернатора.

<...>